

РУССКИЙ ЯЗЫК В ПРОСТРАНСТВЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

РУГЛИШ. А ПОГОВОРИТЬ?

Т. Г. Струкова

Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж

В статье анализируется замещение культурного кода, создание симулякров, которые разрушают реальность и подменяют образ настоящего и будущего.

Ключевые слова: транслитерация, культурный код, симулякр, образ настоящего, гиперреальность.

О, друг мой, Аркадий Николаич!
Об одном прошу тебя: не говори красиво.
И.С. Тургенев. Отцы и дети

В нарушение общепринятого стиля научной статьи начну с цитаты И. С. Тургеневу принадлежит знаменитый завет: «Берегите чистоту языка как святыню! Никогда не употребляйте иностранных слов. Русский язык так богат и гибок, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас». П. Мериме утверждал, что русский язык — это «язык поэзии». А Л. Н. Толстой жестко заметил: «Если бы я был царь, я бы издал закон, что писатель, который употребит слово, значения которого он не может объяснить, лишается права писать и получает сто ударов розог». Ф. М. Достоевский настаивал: «Лишь усвоив в возможном совершенстве первоначальный материал, то есть родной язык, мы в состоянии будем в возможном же совершенстве усвоить и язык иностранный, но не прежде». Дж. Оруэлл, автор знаменитого романа «1984», призывал соотечественников: «Никогда не используйте иностранных, научных слов или жаргон, если существует эквивалент на английском языке». Он же ввел в политический оборот словосочетание «холодная война».

А теперь реклама: «Не пропусти уникальный иммерсивный бал, в котором главная героиня — это ты. Тебя ждут прекрасные принцы и волшебные сюрпризы!» И далее ссылка на сайт, честно предупреждающий, что его владельцы собираются использовать ваши персональные данные, на передачу которых вы, конечно же, добровольно дали согласие. *Immersive (англ.)* — прил.;

1) многонаправленный, с одновременным воздействием на человека посредством нескольких каналов восприятия (зрение слух, обоняние, осязание); 2) информ., кино — иммерсивный, создающий эффект присутствия. Главный смысл слова — эффект погружения в моделируемую, искусственную реальность.

Глубина восприятия мира, многозначность его интерпретации была и есть неотъемлемая часть таланта художника, музыканта, писателя. Когда приглашают на «иммерсивный» бал или в «иммерсивный» театр, то в этой конструкции подчеркивается технологический фактор, потому что действие разворачивается в созданной компьютером искусственной реальности, в которой принц совсем не настоящий человек, а виртуальная картинка.

Или любимое лингвистами слово «адгерентный». «Словарь синонимов» дает следующий ряд: адгерентный — привнесенный — наносный, адгерентный, внесенный, добавленный, включенный [4]. Вот, к примеру, высказывание: «Адгерентные коннотации имеют названия контекстные, окказиональные. Они могут быть выражены стилистически нейтральными словами, которые приобретают экспрессивные и эмоциональные оттенки только в определенном контексте, в определенной речевой ситуации» [3, с. 182]. Английское *adherent* как существительное означает *адепт, поборник, сторонник, приверженец*. Как прилагательное *adherent* может значить *вязкий, липкий, клейкий, сросшийся, приросший, прикрепленный, присоединенный, плотно прилегающий*. Итак, делаем попытку перевести «адгерентные коннотации» — присоединенные скрытые смыслы или прикрепленный подтекст. Получается ерунда, что со всей очевидностью подчеркивает забвение или незнание призыва Дж. Оруэлла, который настаивал, что необходимо искать подходящее выражение в родном языке.

Транслитерация — адгерентный — создает наукообразный сленг, некую завесу, которая, во-первых, призвана подчеркнуть принадлежность субъекта к закрытому сообществу посвященных; во-вторых, поднять собственную значимость в науке [2]. Вернее всего будет перевести *adherent connotation* как привнесенный смысл или добавленный подтекст. Поиски слова на родном языке приводят к ясному пониманию того, что якобы научная фраза грозит обернуться незнанием и своего языка, и чужого, хотя вам с энтузиазмом будут доказывать, что все это просто термины.

Адепты глобального английского языка с необъяснимым восторгом утверждают: если все технические термины существуют на английском языке, то для понимания прогрессивного технологического мира достаточно транслитерации, перевод не нужен и даже архаичен, он как будто подчеркивает вашу отсталость, полное выпадение из «прекрасного нового мира». Напомним, что так называемый *comp. lang* был придуман в 1980-е гг. как язык программирования. *Comp. lang* был намеренно обеднен для сотрудников компьютерной сети, работающих удаленно, к примеру где-нибудь в джунглях Индии.

Отмечу, если слово фиксируется в художественном произведении, то это свидетельство того, что в каком-то регистре повседневной речи, например в мо-

лодежном сленге, оно уже закрепилось. Русский язык тем и велик, что, используя слово (модное, узкопрофессиональное, техническое и т. д.), он его может за просто приспособить с помощью многочисленных приставок и суффиксов, превратив откровенное заимствование в самый настоящий «русизм». Кстати, разного рода объяснений обильному вбросу англицизмов множество, но они никак не затрагивают глубинную проблему: какова культурологическая и цивилизационная цель «модных» новшеств?

Наши образы настоящего и будущего складываются из русских сказок и литературы: именно так формируется культурно-историческая среда — от обычного языка до культуры во всех ее ипостасях. Западный мир создает собственные образы настоящего и будущего исключительно для себя, ориентируясь только на свои мифы, сказки, книги, фильмы. Модные среди подростков и молодых людей слова «райтер» (*writer* — писатель), «лайв-баттл» (*life-battle* — схватка не на жизнь, а на смерть), «хоуми» (*homie амер. разг.* — друг, подруга), «бро» (*brother* — брат), «рили» (*really* — действительно, в самом деле), «чилить» (*to chill* — остужать), «агриться» (*angry* — злой, негодующий), «сорян» (*sorry* — сожалеющий), «фуди» (*food* — еда), «чекать» (*to check* — проверить, уточнить), «хейтить» (*hate* — ненависть), «рофлить» (*rofl* — аббревиатура фразы *rolling on the floor laughing* — от смеха кататься по полу) никак не заветный пароль доступа в «дивный новый мир». Несомненно, язык — дело живое и развивающееся, однако ломаный язык коверкает мышление и, в конечном итоге, восприятие мира становится изломанным.

В 1980 г. Жорж Батай возвращает в активный гуманитарный оборот широко используемый в античности термин «симулякр» (*simulacrum лат.* — подобие, видимость, образ, тень). В свою очередь Жан Бодрийар в 1981 г. выпускает книгу «Симулякры и симуляция», в которой он называет современную эпоху эрой гиперреальности [1]. Составляющими частями гиперреальности становятся знаки или несамостоятельные феномены. Они отсылают уже не к явлению или вещи, а к чему-то другому, симулятивному. Ж. Батай считал, что для современного мира характерно чувство полной утраты реальности.

Разрабатывая теорию о порядке симулякров, Ж. Бодрийар относил моду (наряду с деньгами, общественным мнением и т. д.) к третьему уровню симуляции. Ж. Бодрийар писал, что мода как явление в широком смысле слова — просто кажимость, она призвана завуалировать внешнее влияние на сознание и поведение человека для достижения собственной цели, истинный смысл которой полностью скрыт. В романе Т. Устиновой «Звезды и Лисы» Юля-Лиса, удивительная спутница главного героя Ника, рассуждает так: «Ведь самое главное, чтобы модно!.. Взять, к примеру, уши. Если они огромные, как у летучей мыши, — это хорошо, их можно еще больше оттопырить, и это будет твоя фишка» [6, с. 159]. И, как настаивает Юля-Лиса, этот «тренд» по поводу ушей понимают молодые, а сорокалетние старухи совсем отстали, они накачивают губы. «На них в тусовке не клюют, продвинутые! А че там хозяевам рынка стройматериалов нравится, это я не в курсе» [там же].

Мишель Фуко подчеркивал, что гиперреальность бесконечно множит знаки-симулякры, провоцируя тем самым тягостное ощущение бессмысленности бытия [9]. Гиперреальность не просто выдавливает на задворки народную память или намеренно делает ее незначительной, память народа стирается безвозвратно. Кроме этого уничтожается реальность, какая была на самом деле. Манипулирование коллективным сознательным и бессознательным приводит к тому, что людям навязывается та реальность, какую они должны помнить в данное мгновение. Мишель де Серто писал, что определенные формы культурных практик, свойственные и эпохе, и нации в целом, позволяют увидеть неразрывную *связь со словом* как «источником всякой власти» [10, р. 45].

Вытеснение русской речи направлено на поражение сознания (*лат.* — *consciencia*), слом самоидентификации народа, утрату национальной, этнической, государственной идентичности, разрушение цивилизационного кода и внутреннего единства, культурной суверенности страны. Цель новояза — лишение тех, кто объявлен соперником, собственного языка, увод проблемы от ее обозначения, отрыв формы слова от его содержания. Новояз незаметно разрывает единое «поле культуры» (П. Бурдьё), выстраивает стену непонимания между поколениями, полярно разводит разные социальные слои, углубляет недоверие, формируя у одних групп комплекс снобистского превосходства, а у других — незаслуженный комплекс неполноценности.

Намеренная игра со значениями приводит к подмене смысла, тем более, если первоначально он был негативно окрашен: «Брат уверял, что это не просто костюм, а ... „коллаб“, что означает „коллаборацию брендов“! Ник сказал, что знает только французское коллаборационистское правительство времен второй мировой войны ... Сандро сообщил, что „коллаб“ — это когда две знаменитые марки одежды сговариваются и выпускают современный продукт. Сандро, как человек светский, разбирался в брендах, марках и прочей ерунде» [6, с. 209]. Реплика: *collaborate* — сотрудничать с врагами, оккупантами; *collaboration* — коллаборационизм; сотрудничество с врагами, оккупантами.

В настоящее время разрушается само понятие разговора. Героиня романа «Звезды и Лисы» точно отметила смысловую перемену слова «беседа»: «Токшоу показывали, то есть говорильное представление!» [6, с. 159] Мир перестал быть реальным, важным, понимаемым. В «шоу-мире» самым главным стал успех, и совсем не важно, каким способом он достигается. И не суть, о чем идет речь — о разводах, чужих и своих мужьях/женах, балетной премьере или политике. Молва, сплетня, скандал прибавляет «лайков» (*likes* — симпатии), поднимает «рейтинг» (*rating брит.* — оценка, определение стоимости; *амер.* — оценка, показатель популярности), помогает поймать «хайп» (*hype* — навязчивая реклама, надувательство, шумиха).

Едкая ирония по поводу нынешней культурной ситуации очевидна в эпизоде романа «Земное притяжение»: «Чтения проходили в корпусах бывшего завода „Серп и молот“, нынче переделанного под современные нужды. Здесь размещались фотостудии, кинозалы, уютные галереи, крохотные антикафе,

чилл-ауты, студии звукозаписи, помещения для „квартирников“ — не в квартирах же проводить „квартирники“! — веганские кафе, столовые по типу советских — для прикола, зоны релакса, декорации для съемок, корнеры, в которых продавалась одежда из натуральных материалов, лавки с био- и фермерскими продуктами и другие необходимые современному человеку штуки» [7, с. 308–309]. Все идет по давно обозначенному пути: «Шумим, братцы, шумим!»

Бородатый мальчик, с виду журналист, завсегда самых модных мест, задает героине такой вопрос: «Вы согласны, что чем более интенсивной и удаленной становится коммуникация, тем больше она стимулирует людей к личному общению?» [7, с. 312] Он совершенно искренне считает, что интернет способен заменить встречу знакомцев или друзей, что виртуальное присутствие какой-либо персоны в телефоне, планшете, компьютере и т.д. достаточно для «коммуникации». А люди почему-то предпочитают общаться «в реале»!

Ответ юной красотки Даши незатейлив только на первый взгляд:

«— Может, людям просто хочется поговорить?

— Как?

Даша показала, как именно.

— Поговорить словами. Друг с другом» [там же].

И действительно, может быть, уже надо начать разговаривать? Друг с другом на родном языке. И вспомнить слова Тургенева о том, что «нам нечего брать у тех, кто беднее нас».

Список литературы

1. Бодрийар Ж. Симулякры и симуляция. М.: ИД «Постум», 2015. 240 с.
2. Горбунов А. П. Сверх(транс)сущность труда и эволюция создаваемых им типов ценности, стоимости: от наемного труда и финансового капитала — к преобразовательному самодеятельному сверхтруду и сверхкапиталу // Вестник Пятигорского гос. ун-та. 2018. № 1. С. 9–25.
3. Ратько М. А. Адгерентные коннотации и их роль в изучении иностранного языка // Предметная и методическая компетентность как важнейшая составляющая профессионального мастерства преподавателя иностранного языка: м-лы межвуз. науч.-метод. online-семинара; Минск, 30 марта 2017 г. / редкол.: А. В. Торхова [и др.]; отв. ред. В. П. Скок. Минск: БГПУ, 2017. С. 182–185.
4. Словарь синонимов [электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonyms
Дата обращения 10.01.2019.
5. Струкова Т. Г. Массовая литература как феномен культуры // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Философия. 2017. № 3, июль-сентябрь. С. 62–73.
6. Устинова Т. Звезды и Лисы. М.: Эксмо, 2018. 320 с.
7. Устинова Т. Земное притяжение. М.: Э, 2017. 320 с.
8. Феномен повседневности в литературе XX века: монография / науч. ред. Т. Г. Струкова. Воронеж: ВГПУ, 2013. 208 с.
9. Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб.: Наука, 2007. 677 с.
10. The Certeau Reader / Ed. by Gr. Ward. Blackwell Publishers, 1999. 135 p.

Об авторе

СТРУКОВА Татьяна Георгиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы Воронежского государственного педагогического университета, Воронеж; e-mail: kaf214@yandex.ru